

Ганс Гейнц Эверс В стране фей

Евангелие от Матфея, V. 8.

Пароход Гамбург-Американской линии стоял в гавани Порто-Прэнс. В пароходную столовую со всех ног ворвался Голубой Бантик и, запыхавшись, обежал вокруг стола:

- Мама здесь еще нет?

Нет, мама была еще в своей каюте. Но все пассажиры и пароходные офицеры вскочили со своих мест, чтобы попытаться посадить Голубой Бантик к себе на колени. Ни одна дама на борту "Президента" не была так окружена поклонниками, как смеющиеся шесть лет Голубого Бантика. Тот, из чьей чашки Голубой Бантик пил утром чай, был счастлив весь день. Девочка всегда была одета в белое батистовое платье, и маленький голубой бантик целовал ее белокурые локоны. Ее спрашивали по сто раз в день:

- Почему тебя зовут Голубым Бантиком?

И она, смеясь, отвечала:

- Чтобы меня нашли, - когда я потеряюсь!

Но она никогда не потерялась бы, если бы даже осталась одна в какой-нибудь чужой гавани. Она была дитя Техаса, умненькая, как собачка.

Никто из завтракавших не мог сегодня ее поймать. Она побежала на конец стола и взобралась на колени к капитану. И старый морской волк улыбнулся. Голубой Бантик всегда предпочитал его, и он гордился этим.

- Чаю! - промолвила девочка и стала макать бисквит в его чашку.

- Ты уже успела где-то побывать сегодня? - спросил капитан.

- О! - воскликнула она, и ее голубые глаза засияли еще ярче, чем бант в волосах. - Я пойду туда с мамой. И вы все должны пойти со мной. Мы в стране фей!

- Страна фей? Гаити? - сомневался капитан.

Голубой Бантик засмеялся:

- Я не знаю, как эта страна здесь называется, но только она страна фей! Я сама видела это! Какие дивные чудовища!

Они все лежат на мосту, на рыночной площади. У одного руки такие большие - с корову! А у того, которое рядом, голова - как две коровы. А еще у одного - чешуйчатая кожа, как у крокодила. О, они еще прекраснее, еще удивительнее, чем в моей книжке со сказками! Пойдем со мной, капитан!

- Потом она кинулась навстречу красивой даме, вошедшей в эту минуту в столовую:

- Мама, скорее пей свой чай! Скорее, скорее! Ты должна идти со мной, мама! Мы в стране фей...

И все пошли с ней - даже главный механик. Ему было совсем некогда: он и к завтраку не являлся, потому что у него сегодня что-то не ладилось в машине. Он собирался привести ее в порядок, пока пароход стоял в гавани. Но главный механик был на хорошем счету у Голубого Бантика, потому что вырезывал ему прекрасные вещицы из черепахи. Поэтому и он должен был пойти, так как Голубой Бантик командовал всем и всеми на пароходе.

- Я буду работать ночью, - сказал он капитану.

Голубой Бантик услышал это и серьезно подтвердил:

- Да, ты умеешь это. А я не умею. Я ночью сплю.

Голубой Бантик торопливо повел их, и они пошли по грязным переулкам, прилегающим к гавани. Из окон и дверей выглядывали негритянские рожи. Путники перепрыгивали через широкие сточные канавы, и Голубой Бантик заливался смехом, когда доктор оступился, и грязная вода забрызгала его белый костюм. Они шли далее, мимо жалких лавчонок рынка, преследуемые раздиравшим уши криком и визгом негритянских женщин.

- Смотрите, смотрите, вот они! О, милые чудовища!

Голубой Бантик вырвался из рук матери и побежал вперед к маленькому каменному мосту, перекинутому через высохший ручей.

- Идите все! Идите скорее! Идите смотреть удивительных, чудных чудовищ!

Она била от восторга в ладоши и прыгала по горячей пыли... Там лежали нищие. Они выставляли напоказ свои ужасные болезни и язвы. Негр проходит мимо, не обращая на них никакого внимания. Но иностранец не может миновать их, не пошарив в своем кошельке. И они это прекрасно знают. Они даже заранее расценивают прохожих: тот, который отпрыгнул от них в ужасе в сторону, наверное, даст квартал. А дама, с которой делается морская болезнь, - по меньшей мере доллар.

- О, мама, погляди только на того, который в чешуе. Ну, разве он не красив?

Девочка показала на негра, у которого все тело было обезображено отвратительным разъедающим лишаем. Он был зелено-желтого цвета, и засохшие струпья в самом деле покрывали его кожу треугольными чешуйками.

- А тот, вон там! Капитан, посмотри! О, как весело смотреть на него! У него голова, как у буйвола, а меховая шапка приросла у него к голове.

Голубой Бантик постукал зонтиком по голове громадного нефа. Неф страдал жестокой слоновой болезнью, и его голова распухла, как чудовищная тыква. Его волосы, густые, как шерсть, были всклокочены и свешивались со всех сторон, словно толстые длинные тряпки. Капитан старался оттащить от него девочку, но она вырвалась и, дрожа от восторга, кинулась к другому.

- О, милый капитан! Видал ли ты когда-нибудь такие руки? Ну, скажи, разве они не прекрасны? Разве они не чудно-прекрасны? - Голубой Бантик сиял от воодушевления и низко склонился к нищему, у которого от слоновой болезни обе руки были страшной величины. - Мама, мама, смотри: у него пальцы гораздо толще и длиннее, чем вся моя рука. О, мама, если бы у меня были такие чудные руки! - и она положила свою ручку на широко распростертую ладонь негра. И ручка ее шмыгала, словно маленькая белая мышка, по чудовищной темной ладони.

Красивая дама громко вскрикнула и упала в глубоком обмороке на руки инженеру. Все засуетились кругом нее; доктор смочил носовой платок одеколоном и положил его ей на лоб. Но Голубой Бантик вытащил из кармана у матери флакончик с духами и поднес ей к самому носу. Девочка опустила на колени, и крупные слезы покатались у нее из голубых глаз и смочили матери лицо.

- Мама, милая, дорогая мама, проснись! Мама, ради Бога проснись! О, поскорее проснись, милая мама! Я покажу тебе еще много дивных чудовищ. Ты не должна теперь спать, мама. Ведь мы в стране фей!

Порт-о-Прэнс (Гаити). Июнь 1906